

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no.2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-253-276>

<https://elibrary.ru/NAPNNW>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Диспут о пролетарской поэзии 1920 года в историко-литературном контексте

© 2026, М.В. Скороходов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Диспут о пролетарской поэзии, состоявшийся 26 января 1920 г. в московском Политехническом музее, рассматривается в статье как важное звено в становлении литературных организаций первых советских лет. Вводится в научный оборот стенограмма диспута, хранящаяся в РГАСПИ в фонде идеолога Пролеткульта А.А. Богданова. Участники заседания высказали свое отношение к докладу Богданова, в котором содержался ряд серьезных претензий к произведениям пролетарских поэтов, и прозвучавшим вслед за ним выступлениям А.Б. Мариенгофа и С.А. Есенина. Проведенный анализ показывает, что важнейшим следствием диспута явилось принятое 1 февраля 1920 г. группой пролетарских писателей решение о выходе из Московского Пролеткульта и об образовании секции пролетарских писателей при литературном отделе Наркомпроса. На заседании этой секции 11 февраля было избрано руководство Подотдела пролетарской литературы при ЛИТО Наркомпроса и принято решение об издании журнала «Кузница». Так зародилось литературное объединение пролетарских писателей «Кузница» (1920–1932), сыгравшее заметную роль в литературном процессе 1920-х гг.

Ключевые слова: русская литература 1910–1920-х гг., литературный процесс, Пролеткульт, литературное объединение «Кузница», А.А. Богданов, С.А. Есенин, А.Б. Мариенгоф.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Для цитирования: *Скороходов М.В.* Диспут о пролетарской поэзии 1920 года в историко-литературном контексте // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 253–276. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-253-276>

На рубеже 1910–1920-х гг., когда формировались советские писательские организации, выстраивались отношения между ними, когда одним из наиболее активных участников литературного процесса был Пролеткульт, проходили различные заседания, участники которых активно, а порой и яростно отстаивали свои позиции и не менее активно критиковали не только оппонентов, но и членов своих же литературных объединений и групп. Как справедливо отметила Д.С. Московская, «пролеткультовский этап был периодом “общинного”, утопического существования идеи пролетарского искусства. Но именно на пролеткультовской стадии проекта были заложены оригинальные конкурентоспособные идейно-теоретические основания и практики будущей корпорации ВАПП — РАПП» [20, с. 84].

Одно из подобных заседаний — диспут — состоялось 26 января 1920 г. в московском Политехническом музее. Изложение выступления С.А. Есенина на этом диспуте было выявлено и в 1995 г. опубликовано по неправоленной стенограмме заседания Н.Г. Юсовым под названием «Стенограмма выступления С. Есенина на диспуте о пролетарской поэзии» [24, с. 539] в сопровождении краткого комментария [24, с. 539–540]. В 1999 г. в академическое Полное собрание сочинений Есенина вошли изложение текста выступления поэта под заглавием «<Стенограмма выступления на диспуте о пролетарской поэзии>» [13, с. 343] и комментарий 1995 г. [13, с. 549–551]. По этому источнику факт проведения диспута зафиксирован в: [16, с. 327–328; 17, с. 504]. Материалов диспута касалась в работах, посвященных литературному объединению «Кузница», А.Г. Гачева [6, с. 311; 7, с. 249, 343]. Однако детальное описание значимого для литературной жизни рубежа 1910–1920-х гг. заседания не давалось. В данной статье мы постараемся восполнить эту лакуну и рассмотреть диспут в историко-литературном контексте эпохи.

На данный момент единственным источником информации о дате и содержании диспута является напечатанная на машинке неправоленная стенограмма, далеко не в полном объеме зафиксировавшая выступления его участников. Документ хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории¹.

Публикация документа полностью не представляется возможной по нескольким причинам. Во-первых, о чем подробнее будет сказано ниже, стенографировались не все выступления, некоторые известны только в пересказе. Во-вторых, в машинописи практически полностью отсутствуют стихотворные цитаты, которые при-

¹ РГАСПИ. Ф. 259. А.А. Богданов. Оп. 1. Ед. хр. 33. Далее при цитировании этого источника указывается номер соответствующего листа документа.

водились в качестве аргументов для подтверждения изложенных тезисов. Однозначно установить, какой именно текст цитировался, не всегда возможно. В-третьих, работа в архиве со старыми фото-пленками, на которых запечатлена машинопись (явно не первый отпуск), не позволяет полностью прочитать текст, причем и сам оригинал, как свидетельствуют пометы архивистов на пленке, в период его фотофиксации был «плохого качества». В-четвертых, в неправоном тексте встречаются многочисленные речевые ошибки, лексические и смысловые повторы, искажения мысли. В связи с этим мы приводим наиболее существенные для исследователей русской литературы и истории цитаты с комментариями, что позволяет получить по возможности полное представление о диспуте.

На первой странице машинописи — помета Богданова: «Не проверено, страшно искажено» (Л. 1); после воспроизведения богдановского доклада напечатано: «По указанию председателя не все ораторы стенографируются полностью» (Л. 11). И действительно, изложение выступлений всех высказавшихся после Богданова участников диспута занимает менее девяти машинописных страниц.

Какие-либо другие материалы, касающиеся диспута, на данный момент не выявлены. В стенограмме встречаются опiski, ошибки, в том числе в написании фамилий, иногда последняя буква слова «прилипает» к следующему слову, расстановка запятых иногда не соответствует нормам. При цитировании все искажения текста исправляются без дополнительных оговорок.

Основным докладчиком на диспуте был А.А. Богданов, который, как отметила С.Г. Семенова, в 1918–1920 гг. «активно участвует в деятельности Пролеткульта, становясь его первым идеологом. В статьях и речах этого времени он развивает свой взгляд на пролетарское искусство, который у него сложился еще до революции» [23, с. 174]. В числе его работ, в которых уделяется значительное внимание пролетарской поэзии, — книга «Искусство и рабочий класс» [2]. Основные темы книги обозначены уже на ее обложке: 1. Что такое пролетарская поэзия. 2. О художественном наследстве. 3. Критика пролетарского творчества. В этой книге Богданов заявляет, что одна из важнейших задач рабочего класса — «овладеть сокровищами искусства, которые созданы прошлым, сделать своим все великое и прекрасное в них, не подчиняясь отразившемуся в них духу буржуазного и феодального общества» [2, с. 31]. Роль Богданова в становлении и развитии Пролеткульта подробно охарактеризована с широким использованием архивных материалов РГАЛИ А.Ю. Морозовой [19].

Богданов начинает доклад на диспуте с обращения к Пушкину и Лермонтову, которые в свое время «были выразителями новых благородных стремлений, но никто их не понимал», и останавливается на том, как поэты прошлого видели свои задачи:

Они понимают таким образом: я пришел в мир, здесь есть высокое, красивое, и <...> я должен это выразить, но они там понимают, что все это скрыто от них, <...> окружающая среда с ее извращенностью, и поэт понимает свою мысль как выявление себя, своего я, своих чувств и своих идеалов, и понимает в другом виде, в виде отвлеченных фетишистских форм, как влияние красоты (Л. 1).

Представителям русской классической литературы докладчик противопоставляет пролетарского поэта, находящегося «в лучшем положении. Он знает, что такое красота — это гармония жизни. Он знает, о ком он говорит и с кем он говорит, потому что это для него живые люди, с ними он работает и живет, и они действительно для него являются товарищами. В этом положительная черта жизненного характера пролетарского поэта». Рабочий поэт, по мысли критика, должен развиваться, «техника везде — первая задача, необходимо овладение техникой, стремление к грамотности» (Л. 1).

Затем Богданов переходит к рассуждениям о том, что важнее для искусства — форма или содержание, полагая: «Содержание должно подчинять форму. Форма необходима, она есть суть искусства. Суть искусства в форме». Обращаясь к раннему творчеству В.Я. Брюсова, докладчик отмечает, что поэт подбирает содержание не к образам, а к словам: «Ему надо, чтобы была рифма. Всякая утонченность приводит к тому, что придется укладывать содержание в эту самую форму». В результате, как полагает пролетарский критик, нарушается «внутренняя красота» (Л. 2).

В докладе Богданов уделяет значительное внимание вопросу об образованности пролетарского поэта, отмечая, что ему необходимы «глубокие знания», что «он должен изучить жизнь, искусство <...>. От старого мира он должен взять все высшее, все грандиозное <...>» (Л. 2). При этом критик убежден, что через изучение «великих мастеров» надо «идти к пути самостоятельности». Учиться же у «новейших поэтов», по его мнению, не следует: «Туманность, неясность часто становятся элементом формы. Может ли так относиться к форме пролетарский поэт? У него неизбежное отвращение к неясности, потому что ясность — это не простая отвлеченная форма, ясность — это доступность к коллективизму» (Л. 3).

Критик обращается к творчеству двух своих современников, двух пролетарских поэтов, входивших в литературную студию Московского Пролеткульта и обладавших, как он отмечает, «несомненным талантом» (Л. 5), — М.П. Герасимова и В.Д. Александровского. Первый из них, сын железнодорожного рабочего, участник революционных событий 1905 г., к 1920 г. являлся автором поэтических книг «Вешние зовы» (Пг., 1917), «Завод весенний. Стихи» (М., 1919), «Железные цветы» (Самара, 1919) и выпущенной отдельным изданием поэмы «Монна Лиза» (М., 1919). Александровский, выходец из крестьян Смоленской губернии, участник Первой мировой войны, автор книг «Рабочий поселок. Стихотворения», «Север. Стихотворения» и вышедшей отдельной книгой поэмы «Восстание» (все — М., 1919). Оба поэтических сборника Александровского были выпущены Московским Пролеткультом, поэма вышла в издательстве Пролеткульта.

В докладе Богданов уделил значительное внимание произведениям Герасимова. В частности, он высоко оценил его раннее стихотворение «Брожу во тьме, а надо мною...» (1913), в котором поэт «знакомит пролетариев с <...> маяком, который прорезает мрак. Это близко душе пролетариата, особенно тогдашней революционной России. Это произведение стоит напечатать и сейчас» (Л. 5). В 1913 г. стихотворение с открытым призывом к революции не могло быть опубликовано, поэтому автор прибегает к иносказанию:

Брожу во тьме, а надо мною
Мерцает золотой маяк,
Над океаном зыбкий мрак
Он косит огненной косою [10, с. 8].

В финале стихотворения маяк обретает поистине теургические способности, а лирический герой становится его поклонником:

Люблю во тьме ловить мерцанье —
Лик осиянный маяка.
Люблю, когда его рука
Пронзает волны, город, зданья [10, с. 8].

Пролетарский критик анализирует не названную в стенограмме «Песнь о железе» (1917), каждая из восьми строф-шестистиший которой начинается рефреном «В железе есть...», что позволяет автору воспеть железо как один из символов труда пролетария

и всесторонне раскрыть семантику заглавия. По мнению Богданова, в «Песни...», которая «содержательнее и шире» ранних произведений поэта, «идея оригинальная, тут мы видим поэтический анализ железа. Это идея сильная и красивая. <...> Вы знаете, — художник великолепно исполнил картину, прекрасное лицо, но маленькая черточка — и уже не то. Также и художественно исполнено это стихотворение, но я скажу, что он не справился с формой. Тут, например, лето и осень соединены, это оскорбляет слух. Главным образом тут не хватает внимания. Если бы он отделал <свой текст>, он обошел бы эту некрасивую черточку. И этого не было бы» (Л. 5–6). Речь идет о следующих строках:

В железе есть осень,
Холодная просинь
В заржавленных ветках сосны;
Есть знойное лето,
Миражем одето,
Горячим цветеньем весны [10, с. 37].

Приведя еще примеры (тексты не удалось идентифицировать), Богданов переходит к поэме «Октябрь», многие образы и топонимы которой обусловлены воспоминаниями принимавшего активное участие в революции 1905 г. Герасимова о Западной Европе, где он провел в эмиграции семь лет. Богданов обращает внимание на следующие четверостишия:

Мы огненными косами
Надреем снежный дым,
Чтоб прорастали розами
Мужицкие следы.

За ясными полями
И красно и свежо,
А липы новыми лаптями
Поскрипывают о снежок [8, с. 15].

Этот текст вызывает негативную реакцию критика, который задается вопросом: «Может ли пролетарский поэт написать такую вещь? <...> Это стихотворение <...> у кого-то взято. Этот образ потому и нескладен, что взят у чужого» (Л. 6). Богданов, хотя и вскользь, но упоминает крестьянских поэтов (в стенограмме их фамилии не зафик-

сированы), сопоставляя их с поэтом пролетарским — с Герасимовым: «...у крестьян есть своя поэзия», причем им проще, чем пролетарским поэтам, поскольку «у крестьян прошлого больше» (Л. 6). То есть крестьянские поэты имеют преимущества перед пролетарскими, так как в своем творчестве они могут опираться на сложившиеся литературные традиции и многовековую историю крестьянской России.

Критическим разбором поэтических текстов докладчик подтверждает свою мысль о том, что пролетарская поэзия должна отличаться от произведений всех прочих авторов правдивостью. В этой связи он обращает внимание на стихотворение Герасимова «Красная звезда», в котором говорится, что «красноармейская звезда» «пятикрыло» (Л. 7) светит рабочим разных стран:

Мечети Турции облиты
Ее нетленной красотой,
Египетские пирамиды
Венчались красною звездой [9, с. 44].

«Тут сказано о Египте, но там красной звезды никогда не было, и это неправда, — заявляет Богданов и продолжает, переходя к обобщениям, — я здесь не тов. Герасимова критикую, а весь ход дела, всю литературную студию. Я вижу <...> отсутствие товарищеской критики» (Л. 7).

Как справедливо отметила А.Г. Гачева, «особенно уничтожающему разбору» Богданова подверглась «Монна Лиза» — «написанная в символистской поэтике с явной ориентацией на Блока и Белого, она разрабатывала тему вечно женственного» [7, с. 249]. Идеолог Пролеткульта заявляет, что «многого не понял» в этом произведении, и «товарищи пролетарии тоже многого не поймут», поскольку здесь «чужая форма, совершенно чужое настроение» (Л. 8). Богданов вступает в заочную полемику с В.Л. Львовым-Рогачевским, указывая на его книгу: «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин» [18], в которой автор высказывается о Герасимове «с большим сочувствием, <...> говорит, что Богданов, всякие формы трудные считает ложными. Этот критик понял Монну Лизу так, что она воплотила красоту завода» (Л. 9). Напомним, что Львов-Рогачевский обращался в своей книге к докладу «Пролетариат и искусство», который Богданов, охарактеризованный им как «известный теоретик и систематик по вопросам политической экономии» [18, с. 114], прочел 20 сентября 1918 г. на пленарном заседании первой всероссийской конференции культурно-просветительных организаций.

Уже тогда Богданов заявлял: «Пролетариату необходимо искусство коллективистическое, которое воспитывало бы людей в духе глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, тесного братства, борцов и строителей, связанных общим идеалом» [21, с. 73]. Этой точки зрения он придерживается и в 1920 г., именно поэтому он и критикует на диспуте членов объединений пролетарских писателей за отсутствие товарищеской критики. В названной книге Львов-Рогачевский отметил, что поэма «Монна Лиза» написана «под влиянием Александра Блока и его “Стихов о Прекрасной Даме”» [18, с. 116], что «образ столичной петербургской проститутки» описан «с редкой теплотой и большой поэтической силой»: «Здесь в красочных пятнах в картинном изображении, в рамке ночного города на фоне сине-алого неба встает позор и ужас современного города» [18, с. 134]. Принципиальное отличие от Блока Львов-Рогачевский видит в том, что у Герасимова «мечта о красоте зарождается <...> под гром и лязг железа, в огне напряженной работы. Эта мечта приобретает особенную глубину и величавость, в этой красоте пролетария есть новая красота, повенчанная с трудом» [18, с. 148].

Образ проститутки актуален и для творчества Кириллова. Он, как и у Герасимова, нерасторжимо связан с городом, становясь одной из его примет. Например, в стихотворении «Город»:

Живой поток из верениц
Коней, трамваев и моторов —
О, сколько незнакомых лиц —
И сколько непонятных взоров!

Идут, торопятся, бегут,
На души все надеты маски,
Лишь проститутки там и тут
Открыто предлагают ласки [15, с. 26].

О внимательном отношении Кириллова к творчеству Блока свидетельствуют прямые отсылки в его стихах. Одно из них под знаковым заглавием «Поэтам революции» посвящено Блоку [15, с. 11], другому произведению, «Родине», предпослан блоковский эпиграф: «Живую душу укачала, / Русь, на своих просторах ты» [15, с. 36]. Отметим и стихотворение «У полотна железной дороги...» [15, с. 38], на мотивно-образном уровне перекликающееся со стихотворением Блока «На железной дороге» (1910). Тематика и образная система стихотворения Кириллова «Звездам» соотносится с поэтикой, харак-

терной для авторов серебряного века: «лазурные очи», «В чертоге высоком», «восторги, томленья», «золотые мгновенья» [15, с. 26].

Подробный анализ «Монны Лизы», вероятно, выполненный на основе доклада Богданова на диспуте (или же часть доклада была подготовлена пролетарским критиком на основе сданной в журнал статьи), содержится в статье Богданова «Простота или утонченность?»², опубликованной в журнале «Пролетарская культура» за январь — март 1920 г.³

Богданов, подтвердив, что Герасимов «по своему прошлому настоящий индустриальный пролетарий, металлист» [4, с. 61], вместе с тем приходит к выводу, что «“Монна Лиза” не есть произведение пролетарской поэзии, хотя она и написана пролетарием, хотя в ней есть и картины завода, и прославление рабочего восстания, все, что официально полагается. Всего этого мало». Проблема заключается в следующем: «Внутренним сотрудником автора, регулятором его работы не был живой образ его коллектива» [4, с. 62]. Критик отмечает, что в поэме

...немало ярких и живых образов, стройных и звучных сочетаний слов. Но это — типичный продукт ученического подчинения тем поэтам, которые, хотя учились у великих мастеров, выражавших великое жизненное содержание, сами, за недостатком такого содержания, посвятили себя всецело на служение форме [4, с. 61].

Далее, ссылаясь на работы Вл. Ходасевича и В.Л. Львова-Рогачевского, Богданов отмечает влияние К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, А. Белого и А.А. Блока. И продолжает:

Первое, что поражает при чтении, это крайняя *неясность*, туманность формы. Трудно уловить не только общую художественную идею, но даже непосредственное содержание поэмы. Сразу очевидно, что поэма написана не только не для рабочих вообще, а даже и не для передовых пролетариев: они не станут ломать головы над метафорами и намеками автора, а пройдут мимо, как занятые люди» [4, с. 61] (выделено Богдановым. — МС).

Для подтверждения своей мысли пролеткультовский критик целиком приводит пятую главу поэмы, задаваясь вопросом: «что

² В этой статье имеются и другие переключки с докладом Богданова, прочитанным в Политехническом музее.

³ Эта статья войдет в книгу Богданова [3, 175–191] в расширенном варианте — «дополненная частью рецензии на ту же тему, напечатанной около того же времени» [3, 175].

в ней хотел сказать автор?»); кому адресована поэма — она написана «только для себя, чтобы “вылить свою душу”, “свое настроение”? Но тогда зачем печатать?» [4, с. 61, 62]. И в итоге приходит к следующему выводу: «*пролетарский* поэт, не изменяя себе, не может стать на эту точку зрения; она противоречит его классовой природе — *духу коллективизма*» [4, с. 62] (выделено Богдановым. — М.С.).

В финале этой статьи Богданов четко и лаконично формулирует свои требования к пролетарскому поэту: «Чему должен учиться пролетарский поэт? Всему важному и глубокому в природе и в обществе. Где учиться? У науки, организующей опыт прошлого и настоящего в понятиях, у искусства, делающего то же в образах. Кого брать в учителя? Тех, кому можно верить: в настоящем — свой родной коллектив с его революционной идеологией, в прошлом — тех, кто широко прокладывал ему пути своей великой творческой силой. Тогда нет опасности заблудиться» [4, с. 67].

Богданов, обращаясь в докладе на диспуте к творчеству Александровского, отмечает, что у этого поэта «очень много хорошего и есть пролетарский дух», при этом много и «чужого» — в этой связи упомянуто, в частности, влияние Есенина. Высокую оценку Богданова заслужило стихотворение Александровского «Вихрь» — в нем «сильное, новое чувство» (Л. 10). Отметим, что в первом четверостишии этого произведения наблюдается стечение шипящих — ч–ш–ж, что создает эффект звукописи:

Плачут медью колокольни,
Резок крыш железных скрежет,
Вспышки молний
Воздух режут [1, с. 30].

Выводы Богданова, сделанные на основе рассмотрения произведений пролетарской поэзии, неутешительны:

Мы видим, товарищи, регресс в смысле ясности и понятности. Этого, товарищи, не должно быть, все должно быть ясно, туманность — это для избранных, она для многих не нужна, это не нужно пролетарскому делу. Мы видим лживые образы, но достаточно красивые, все это чужое, и это нам не нужно (Л. 10).

В прениях первым выступил А.Б. Мариенгоф, отметивший, что пролетарские поэты, которых дала Октябрьская революция, «просто-напросто пошлют к черту тех учителей, которые ведут их

не по той дороге», тех учителей, которые «страшно любят “форму и содержание”». Это высказывание явно полемично по отношению к докладу Богданова, значительная часть которого была посвящена рассмотрению формы и содержания и той эволюции, которую им предстоит претерпеть в произведениях пролетарских поэтов. Полемизирует Мариенгоф и с другим тезисом Богданова — о ясности и туманности. Останавливаясь на «неясности», поэт-имажинист приводит в качестве примера того человека, который «сказал первым — земля вертится», а те, кто «его слушали, не могли понять». И продолжает:

Также хотят, чтобы пролетарская поэзия была не открывающей, а была бы только поэзией сегодняшнего дня, <...> открытие создает образ, который не понятен т.т. Богдановым, но он, наверное, понятен для рабочего. <...> Если Богданову непонятны образы, создаваемые пролетарской поэзией, мы не виноваты (Л. 11).

Затем слово было предоставлено Есенину. К сожалению, мы не располагаем полным текстом его выступления, однако даже приведенного в стенограмме изложения достаточно, чтобы понять: Есенин вслед за своим собратом по имажинизму активно полемизирует с Богдановым, демонстрируя знание как его художественных текстов, включая роман «Красная звезда», так и работ теоретического характера, а также статей, касающихся вопросов становления пролетарской поэзии и написанных Богдановым и другими критиками. Отдав должное работам Богданова по экономике (они выходили в те годы с завидной регулярностью), Есенин резко негативно высказывается о прозвучавшем докладе: «то, что я слышал сейчас в его докладе о поэзии, мне кажется очень шатким и не имеющим никакого основания» [13, с. 343]. Есенин аргументированно доказывает свою позицию, не соглашаясь с Богдановым, требующим «от пролетарских поэтов, чтобы они были служителями Маркса, чтобы они были изобразителями тех явлений, которые уже всем надоели» [13, с. 343]. В имеющемся изложении выступления Богданова нет упоминаний Маркса, однако в стенограмме зафиксировано, что при рассмотрении наследия Александровского Богданов отметил: Гете — «тот человек, на котором воспитывались мы все, марксисты» (Л. 9). В своих книгах и статьях теоретик Пролеткульта упоминал Маркса в контекстах, близких к тем, на которых останавливается Есенин. Например, в книге 1918 г. «Искусство и рабочий класс» Богданов писал о том способе работы, благодаря которому «результаты

культурного творчества прошлого» должны быть «превращены в действительное наследство рабочего класса», специально отметив, что «так понимал дело и сам Маркс» [2, с. 37]. Напомним, что в названной богдановской книге содержится критика «крестьянской», «левоэсеровской» поэзии Есенина и Клюева — авторов сборника «Красный звон» — как литературы, чуждой «сознанию социалистического пролетариата» [2, с. 58].

Выступление Есенина было ярким и, возможно, достаточно резким. В пользу этого свидетельствуют воспоминания Скитальца, зафиксировавшего впечатления от одного из выступлений поэта в 1921 г. Тогда Есенин «долго молча слушал “пролетарские” речи и, наконец, попросил слова. <...>».

— Здесь говорили о литературе с марксистским подходом! — начал он своим звенящим голосом. — Никакой другой литературы не допускается!.. Это уже три года! Три года вы пишете вашу марксистскую ерунду! Три года мы молчали! Сколько же еще лет вы будете затыкать нам глотку? И на кой черт и кому нужен марксистский подход?» [25, с. 169].

Есенин касается и другой важной темы дискуссии — о таланте. Он не может согласиться с тем, что для пролетарского поэта не важен талант, и упоминает «Анну Каренину», «однообразность» которой «проживет, может быть, сто лет» [13, с. 343], т. е. еще очень долго. Зафиксированные в стенограмме слова Есенина о том, что Богданов «считает ум выше поэзии» [13, с. 343], свидетельствуют: Есенин полемически коснулся одной из важнейших тем выступления теоретика Пролеткульта — о необходимости учиться, что должно обеспечить литературный успех пролетарских поэтов. Есенин ценил образованность, был начитанным и всегда стремился овладевать новыми знаниями. Однако талант был для него необходимым условием творчества, без таланта, как он полагал, не может быть настоящего поэта. Об этом свидетельствуют уже юношеские письма Есенина, в одном из которых, отправленном в сентябре 1913 г. «тургеневской» девушке [12, с. 13] М.П. Бальзамовой, юный Есенин с гордостью сообщает: друг С.Д. Дрожжина поэт И.А. Белоусов «находит, что у меня талант, и талант истинный» [12, с. 49].

Есенин, выступая на диспуте, касается вопроса о значимости образа в поэзии, — того вопроса, который был значим для него многие годы, о чем свидетельствуют и его статья «Ключи Марии» (1918), и незавершенная книга «Словесная орнаментика» (1920), и поэтическая практика периода имажинизма. Полемизируя с Богдановым, Есенин защищает право поэта «давать мысль нераскрытой; это есть

образ, который пойман внутренним или внешним явлением. Создавая новые образы, мы желаем вести к “новому”» [13, с. 343]. Говоря об «учителях», Есенин поддерживает Мариенгофа и отстаивает право пролетарского поэта на самостоятельность: «вы должны слушать этих своих учителей только там, где они знатоки» [13, с. 343].

Выступивший четвертым поэт В.Т. Кириллов заявляет, что не знает, к кому ему «присоединиться», и предпочитает «качаться». Поэт соглашается с упреком Богданова в том, что «у пролетарских поэтов нет коллектива, что они идут врозь» (точнее — порознь), и полагает, что пролетарский поэт, еще не обладающий собственным богатым опытом, в силу этого не отличается самостоятельностью и испытывает самые разные влияния. Кириллов просит старших товарищей «сделать что-нибудь», чтобы дать возможность пролетарским поэтам, которые «в большинстве случаев являются простыми строителями жизни», «работают в области общеполитической», «сплотиться воедино» (Л. 12). Участник диспута, частично признавая критику в адрес Александровского и Герасимова, соглашается с необходимостью получения пролетарскими поэтами не столько художественного, сколько научного образования.

Затем Кириллов высказывается по поводу других прозвучавших мнений. «От товарищей, здесь выступавших, Мариенгофа и Есенина, я отгораживаюсь», — заявляет он. И особо отмечает: «То, что сказал тов. Есенин, чтобы нам не мешали старшие товарищи, я с этим не согласен» (Л. 13). Спустя несколько месяцев, в октябре 1920 г., Герасимов на Всероссийском съезде пролетарских писателей будет утверждать, что «художники старой формации не могут себя считать выразителями чувств и настроений нового общества» и их «творчество уже можно назвать “хвостистским”», а при социализме художнику будет предоставлена полная свобода «выражать все явления жизни, и это будет искусство, потому что будет мастерство» (цит. по: [20, с. 84]).

Зрелое творчество Кириллова, уже после того, как он покинул «Кузницу», отличается простотой формы и ясностью высказывания — тем, к чему, собственно, и призывал участников диспута Богданов. Показателен в этом отношении сборник поэта «Вечерние ритмы», выпущенный в 1928 г. издательством «Федерация». В одном из стихотворений, «Не разрывай единый круг...», эпиграфом к которому стали слова из маленькой поэмы С.А. Есенина «Цветы» (1924) — «А разве эта голова / Тебе не роза золотая?», Кириллов пишет о том, что и в «железный век» сохраняются традиции, которые важны как для обычного человека, так и для поэта:

Пускай гремит железный век
И множит гул машинной новью,
Но ты все тот же, человек,
С такою древней, древней кровью.

Ты любишь тот же звук и цвет,
И блеск звезды, и всплеск прибрежный,
И те же радости поэт
Поныне славит песней нежной. <...>

Не разрывай единый круг,
Все в мире благостно и ценно:
И бороздящий землю плуг,
И в небе облак белопенный [14, с. 21–22].

В качестве еще одного примера можно привести стихотворение Герасимова «В лесу» (1930), в котором получает развитие тема железа:

Железным водопадом
Сквозь дикий бурелом
Ударная бригада
Проходит напролом [10, с. 215].

В финале стихотворения мы узнаем, что действие происходит на «величавой Лене» [10, с. 216].

На эволюцию творчества Герасимова Богданов обратил внимание в 1924 г.: при работе над книгой «Пролетарская культура» он, комментируя свое высказывание из статьи 1921 г. — «Надо по-настоящему учиться, учиться широко и глубоко, а не “набивать руку” в хитрых рифмах и аллитерациях», пояснил: «Герасимов и некоторые из его товарищей теперь более или менее отделались от этой погони за утонченностью, но еще далеко не все» [3, с. 191].

В диспуте принял участие Григорьев — вероятно, Сергей Григорьев, который выскажется по поводу развития пролетарской поэзии в 1922 г. Тогда в статье «Новая фабрика» он напишет о том, что современная техника, все более широко используемая за рубежом, принципиально меняет фабрику, которая становится бездымной и бесшумной, в то время как русская пролетарская поэзия последних лет посвящена фабрике, которой еще не коснулась техническая революция. И в итоге — вывод:

Поэзия — душа. Пролетарская поэзия — душа рабочего класса. И, стало быть, пролетарские поэты, воспитанные технически невежественными, влекут душу пролетариата в глубину социально-политической реакции. <...> Пролетарская поэзия (русская) последних лет реакционна [11, с. 114].

Выступление Григорьева в печати в 1922 г. вызовет отклик Семёна Родова, высказавшего свое несогласие с ним в том же номере журнала [22, с. 116–120].

Григорьев, в выступлении на диспуте в целом солидаризовавшись с Кирилловым, вступает в полемику с поэтами-имажинистами. Его высказывания позволяют получить более полное, чем по сохранившейся записи, представление о высказанных ими мнениях, поэтому приведем здесь значительный по объёму фрагмент стенограммы:

<...> нападки на наших учителей <...> были ошибочные. Товарищу Мариенгофу я бы простил, а тов. Есенину я не мог бы простить, потому что он знает, к чему тут в Пролеткульте стремятся. Он указывает на преимущество ума поэта перед умом простого человека. <...> если будете жить в городе, на фабрике, на заводе, на реке, на лугу и т. д., тогда ваш ум иной, не такой, как обычный. <...> Очень трудно говорить с людьми, когда говоришь с ними на разных языках. Пролеткульт, когда он говорит о пролетарском творчестве, он говорит о здоровом творчестве, о человеке, вышедшем из народа, а не о человеке с потрепанными нервами и со всякими фокусами. <...> Тов. Мариенгоф, выходя из коллектива, не чувствует себя членом общества <...> (Л. 14).

Вероятно, здесь Григорьев полемизирует с высказываниями Есенина по поводу таланта, который необходим поэту, к какому бы сословию или социальному классу он ни относился, и с высказываниями Мариенгофа относительно возможности поэта работать не только в коллективе.

Еще один докладчик, П.И. Лебедев-Полянский, с 1918 г. Председатель Всероссийского совета Пролеткульта, в будущем — руководитель Главлита, отметив, что знаком с творчеством как Мариенгофа, так и Есенина, заявил, что «они говорят красивее, чем пишут» (Л. 15). Докладчик, коснувшись вопроса о взаимоотношениях критиков и поэтов и прочитав стихотворение Есенина (какое именно, неизвестно), отметил по поводу поэта: «...я увидел человека, который просто разбивается на две части. <...> Когда Есенин вы-

пустил первую книжку, я его оценил, он был более крестьянским поэтом» (Л. 15). Лебедев-Полянский неоднократно упоминал Есенина в своих статьях и рецензиях, однако его высказывания о «Радуннице» — первой книге поэта — неизвестны. Оценка им есенинской книги «Преображение» (1918) — резко отрицательная, в рецензии Лебедева-Полянского, в частности, сказано: «В стихах С. Есенина нет даже здоровых крестьянских настроений» [5, с. 42].

В прениях участвовал также активный деятель Пролеткульта Н.Л. Шварц, получивший в конце 1910-х гг. известность как философ, критик, драматург и прозаик. Он откликнулся на выступление не только Богданова, но и Мариенгофа с Есениным, заявив, что творчество первых поэтов Пролеткульта «диаметрально расходится» с тем, о чем говорят Богданов и «проповедники пролетарской культуры, пролетарской поэзии». И предположил, что, возможно, они правы — следует учиться, «и тогда, может быть, выступавшие здесь Есенин и Мариенгоф не заткнут ушей, и поступят так, как Кириллов, который начинает качаться» (Л. 16). Здесь Шварц, как видим, затрагивает одну из ключевых тем диспута — об использовании пролетарскими поэтами опыта предшественников, прежде всего русских классиков.

Обращается Шварц и к другой значимой теме — о таланте, о том, что не всякий написанный текст может рассматриваться как произведение искусства. Важно осмыслить, как он полагает, следующее: авторы «суть поэты в том случае, если у них есть нечто, близкое к искусству. <...> Или они не суть поэты». Шварц не соглашается с Богдановым в одном из ключевых его тезисов — о том, кто должен определять, достойно ли то или иное произведение признания. Шварцу «совершенно не ясно, почему для испытания стихотворения следует прочесть на заводе, поймут рабочие или не поймут, — конечно, — не поймут» (Л. 16). Рассуждая об особенностях поэзии, Шварц обращается также к вопросу о символизме в творчестве пролетарских поэтов. И здесь — существенное расхождение с мыслями Богданова о простоте и о необходимости сделать поэтические произведения понятными даже самому неискушенному читателю. «В пролетарской поэзии, — полагает Шварц, — больше, чем в буржуазной поэзии, будет символических элементов», однако «этот символизм не есть символизм Блока» (Л. 17).

И, наконец, Шварц касается темы, которая станет наиболее острой в 1926 г., в период активной дискуссии о литературной критике. Шварц ставит вопрос: «...кто для кого существует: поэзия для критики или критика для поэзии. Если поэзия для критики, то <...> позиция ясна, но если наоборот, то, мне кажется, нам следовало бы немножко

шире раскрыть глаза <...>» (Л. 18). Вероятно, здесь идет полемика с Богдановым, который в упоминавшейся выше статье «Простота или утонченность?» пытался объяснить, как упростить творческие поиски писателя: «...научная критика, — писал он, — может облегчить искания художника»; и определял содержание пролетарской поэзии: «вся жизнь рабочего класса: его мироощущение, миропонимание, практическое мироотношение, стремления, идеалы» [4, с. 58].

В заключительном слове Богданов уделяет основное внимание полемике со Шварцем и Мариенгофом с Есениным, которые выступили как наиболее активные его оппоненты и высказали мнения, значительно отличающиеся от его позиции. Богданов полагает, что Шварц «не имел права говорить от имени всех пролетарских поэтов»; «Вы неправильно ставите вопрос: они или суть поэты или не суть поэты. Правда, они еще не совсем сложились. <...> у многих пролетарских поэтов замечается неграмотность». Откликается Богданов и на приведенное выше полемическое высказывание Шварца, поясняя слова из своего первого выступления: «Я говорил: пойдите на завод и там прочтите. Это не значит, что мы должны идти и читать для самых серых» (Л. 19).

Заявив, что «тов. Мариенгоф и Есенин <...> стоят на разных позициях», т. е. на позициях, отличных от позиции Пролеткульта, Богданов отмечает: «У Есенина стоит поучиться пролетарскому поэту, там психология очень хорошо выражена, в особенности, где описывается крестьянская жизнь» (Л. 19). Богданов признается, что Мариенгофа знает очень плохо, в основном по цитированиям Львовым-Рогачевским, и зачитывает по его книге «Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин» стихотворения Мариенгофа 1918 г. «Кровью плюем зазорно...» и «Твердь, твердь за вихры зыбим...», критикуя поэта-имажиниста за отступление от исторической правды: «Значит 2000 лет тому назад были коммунисты, и одного коммуниста вздыбили в ЧК тогдашнюю. Это не ЧК. <...> нельзя так относиться» (Л. 19).

В итоговом слове Богданов вновь обращается к образу Монны Лизы, опираясь теперь на свой собственный жизненный опыт, — указывает, что сам наблюдал различные выражения на портрете женщины. Заключительное выступление Богданова не могло примирить выступавших — каждый из них остался при своем мнении.

Диспут выявил серьезные расхождения в представлениях о пролетарской поэзии и путях ее развития не только между теоретиками и практиками пролетарской литературы и имажинистами, но и внутри самого Пролеткульта.

Спустя всего несколько дней после дискуссии, 1 февраля 1920 г., группой пролетарских писателей было подготовлено заявление, опубликованное 5 февраля в «Правде»:

Мы, группа пролетарских писателей при Московском Пролеткульте, обсудив на своем заседании от 1-го февраля с. г. условия работы в Пролеткульте, которые, по целому ряду причин, тормозят выявление творческих возможностей пролетарских писателей, постановили: оставаясь на точке зрения пролетарской культуры, выйти из Московского Пролеткульта и образовать секцию пролетарских писателей при литературном отделе Наркомпроса⁴.

Документ подписали: Михаил Герасимов, Гр. Санников, Семен Родов, С. Обрадович, В. Казин, Николай Дегтярев и В. Александровский.

Еще через несколько дней, 11 февраля, проходит заседание секции, в котором участвуют семь подписавших заявление поэтов, а также Е.Е. Нечаев и Н.Г. Полетаев, избирается руководство Подотдела пролетарской литературы при ЛИТО Наркомпроса, утверждается предложение о создании журнала «Кузница» [6, с. 309].

Так зарождается литературное объединение пролетарских писателей «Кузница». Одной из его задач наряду с изданием собственного журнала становится организация и проведение съезда, на который были приглашены представители регионов. Съезд, открывшийся в Москве 10 мая 1920 г., «из-за малочисленности участников был преобразован в Совещание пролетарских писателей» [7, с. 250]. На этом собрании на протяжении трех дней продолжалась полемика, начатая 26 января в Политехническом музее. С докладом «о форме пролетарского творчества» выступил Богданов, повторивший свои тезисы, согласно которым пролетарское творчество должно быть простым по форме и по содержанию, пролетарским авторам следует учиться на лучших образцах и учитывать читательскую аудиторию, и подчеркнувший, что «излишняя филигранность формы не совместима, не гармонирует с огромным содержанием пролетарского творчества. Эти тесные рамки формы только мешают художнику. Обыкновенно под стремлением к изощренности формы кроется бессилие дать удовлетворительное содержание. Как на пример простоты докладчик указывает на классиков — Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете, Шекспира» [26, с. 27]. С последним тезисом не согласился Герасимов, резонно заметивший: «Пушкин далеко не прост, если его проанали-

⁴ Правда. 1920. № 25. 5 февраля. С. 2.

зировать» [26, с. 27]. Родов, обратив внимание на поэму Герасимова «Монна Лиза», которой в январе уделил особое внимание Богданов, отметил, что если рабочему непонятна эта поэма, то не более понят будет и «Фауст» Гете. Кириллов подчеркнул, что в стремлении к простоте необходимо соблюдать художественную меру: «Если бы искусство было так же понятно, как фельетон, оно не было бы тогда искусством. Но это и не значит, что искусство должно быть туманным...». Обрадович выступил в защиту Герасимова и Александровского, отметив, что Богданов указал только на неудачные стихотворения, забывая о «прекрасных произведениях» этих авторов. Санников заметил, что возвращение к простоте формы означает отказ «от революции в искусстве». В итоге в принятой резолюции участники совещания зафиксировали, что пролетарская литература должна быть «художественна и доступна по форме и содержанию» [26, с. 27], что пролетарский писатель должен учиться и внимательно наблюдать за окружающей жизнью. Содержание принятой резолюции соответствовало предложениям Богданова, прозвучавшим в его выступлении на диспуте.

Рассматриваемую нами тему поднимали и участники вечернего заседания во второй день работы совещания. Так, Лебедев-Полянский в докладе «Место пролетарского писателя в жизни» высказал мнение о том, что хотя «не пролетарий не может выразить пролетарские чувства», «не всякий писатель-рабочий есть пролетарский писатель» [26, с. 28], что соответствовало видению Богданова. А.И. Маширов-Самобытник заявил, что «неправильна дорога тех, кто будет стремиться к утонченности формы», ибо «пролетарский поэт пишет не для интеллигенции, а для рабочего класса», а Г.Д. Дев-Хомяковский выступил против ориентации на идеального, понимающего читателя из рабочей среды, которого сейчас нет (Протокол заседания первого Всероссийского совещания пролетарских писателей от 10 мая 1920 г.; цит. по: [6, с. 313]). Вторая резолюция совещания была принята с учетом предложения Маширова-Самобытника открыть крестьянским писателям доступ в создаваемый Всероссийский Профессиональный Союз пролетарских писателей. Этот союз, как предполагалось, должен готовить деятелей пролетарской культуры, войдя на правах секции во Всероссийский Союз Работников Искусств. В числе задач союза были отмечены, в частности, обеспечение своими произведениями пролетарских газет и журналов, создание издательства пролетарской литературы, проведение различных мероприятий, организация студий, кружков, курсов и др.

Как видим, в первые месяцы 1920 г. произошли существенные изменения в организационной структуре литературных организаций. В этот период были приняты решения, оказавшие немалое влияние на развитие русской литературы 1920-х гг. Этот процесс в значительной степени был вызван диспутом, состоявшимся 26 января 1920 г.

Литература

1. *Александровский В.* Рабочий поселок. Стихотворения. М.: Московский Пролеткульт, 1919. 72 с.
2. *Богданов А.А.* Искусство и рабочий класс. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1918. 80 с.
3. *Богданов А.А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. Л.; М.: Издат. т-во «Книга», 1924. 344 с.
4. *Богданов А.А.* Простота или утонченность? // Пролетарская культура. 1920. № 13–14. С. 58–67.
5. *В. Г-ъ* [П.И. Лебедев-Полянский]. С. Есенин. Преображение. Стихотворения <Рец.> // Пролетарская культура. 1919. № 6. С. 42–43.
6. *Гачева А.Г.* Литературная группа «Кузница»: история, эстетическая платформа, художественная практика // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5. С. 307–366. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-307-366>
7. *Гачева А.Г.* Поэты «Кузницы» // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1 / ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. С. 244–390. (Серия «История русской литературы XX века»)
8. *Герасимов М.* 4 поэмы. Петроград: Пролеткульт, 1921. 32 с. (Серия «Библиотека Пролеткульта»)
9. *Герасимов М.* Железные цветы. Стихи / обл. Г. Ряжского. Самара: Центропечать, 1919. 96 с.
10. *Герасимов М.* Стихотворения. [М.:] Московское товарищество писателей, 1933. Т. 1. 226 с.
11. *Григорьев Серг.* Новая фабрика // Горн. 1922. № I (VI). С. 113–116.
12. *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос. 1999. Т. 6 / сост. и общ. ред. С.И. Субботин; подгот. текстов и текстол. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Прокушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. 816 с.
13. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 7, кн. 1 / сост., подгот. текстов и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. 560 с.
14. *Кириллов В.Т.* Вечерние ритмы. М.: Федерация, [1928]. 123 с.
15. *Кириллов В.* Стихотворения. 1914–1918-й г. Петербург: Пролеткульт, [1918]. 47 с.

16. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / гл. ред. А.Н. Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2 / общ. ред. и предисл. А.Н. Захаров; сост. В.А. Дроздов, А.Н. Захаров, Т.К. Савченко. 760 с.

17. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / отв. ред. А.Ю. Галушкин. 768 с.

18. *Львов-Рогачевский В.Л.* Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин. М.: Книгоиздательство писателей, [1919]. 192 с.

19. *Морозова А.Ю.* А.А. Богданов и Пролеткульт // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 1 (53). С. 37–52.

20. *Московская Д.С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 80–93.

21. Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 15–20 сентября 1918 г. / под ред. П.И. Лебедева-Полянского. М.: Пролетарская культура, 1918. 126 с.

22. *Родов С.* Ответ С. Григорьеву // Горн. 1922. № I (VI). С. 116–120.

23. *Семенова С.Г.* Идеал социализма и теория пролетарского искусства А. Богданова // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 165–180.

24. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой; сост. С.П. Митрофановой-Есениной и Т.П. Флор-Есениной; коммент. С.П. Митрофановой-Есениной, С.И. Субботина, Т.П. Флор-Есениной; подгот. текстов и указатель имен С.И. Субботина. М.: Республика, 1995. 608 с.

25. *Скиталец.* Есенин // Русское зарубежье о Есенине: воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент.: Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИНКОН, 1993. Т. 1. С. 166–170.

26. Совещание пролетарских писателей // Кузница. 1920. № 2. С. 26–29.

Research Article and Publication of Archival Documents

The Debate on Proletarian Poetry 1920 in a Historical and Literary Context

© 2026. Maxim V. Skorokhodov

A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The debate on proletarian poetry, which took place on January 26, 1920, at the Moscow Polytechnic Museum, is considered in the article as an important link in the formation of literary organizations of the first Soviet years. The transcript of the debate, which is kept in the Russian State Archive of Socio-

Political History in the fonds of the ideologist of Proletkult A.A. Bogdanov, is being introduced into scholarly circulation. The participants of the meeting expressed their attitude to Bogdanov's report, in which a number of serious complaints about the works of proletarian poets were voiced, as well as to the speeches made by A.B. Marienhof and S.A. Esenin. The analysis shows that the most important consequence of the debate was the decision taken on February 1, 1920, by a group of proletarian writers to withdraw from the "Moscow Proletkult" and to form a section of proletarian writers at the literary department of the People's Commissariat of Education. At a meeting of this section on February 11, the leadership of the Sub-Department of Proletarian Literature under the "LITO" of the People's Commissariat of Education was elected and a decision was made to publish the magazine *Kuznitsa*. This is how the literary association of proletarian writers *Kuznitsa* (1920–1932) was born, which played a significant role in the literary process of the 1920s.

Keywords: Russian Literature of the 1910s–1920s, literary process, Proletkult, literary association *Kuznitsa*, A.A. Bogdanov, S.A. Esenin, A.B. Marienhof.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

For citation: Skorokhodov, M.V. "The Debate on Proletarian Poetry 1920 in a Historical and Literary Context." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 253–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-253-276>

References

1. Aleksandrovskii, V. *Rabochii poselok. Stikhotvorenniia* [Work Settlement. Poems]. Moscow, Moskovskii Proletkult Publ., 1919. 72 p. (In Russ.)
2. Bogdanov, A.A. *Iskusstvo i rabochii klass* [Art and the Working Class]. Moscow, Tipografiia Tovarishchestva I.D. Sytina Publ., 1918. 80 p. (In Russ.)
3. Bogdanov, A.A. *O proletarskoi kul'ture. 1904–1924* [About Proletarian Culture. 1904–1924]. Leningrad, Moscow, Izdatel'skoe tovarishchestvo "Kniga" Publ., 1924. 344 p. (In Russ.)
4. Bogdanov, A.A. "Prostota ili utonchennost'?" ["Simplicity or Sophistication?"]. *Proletarskaia kul'tura*, no. 13–14, 1920, pp. 58–67. (In Russ.)
5. V.G. [P.I. Lebedev-Polyanskii]. "S. Esenin. Preobrazhenie. Stikhotvorenniia <Retsenziia>" [S. Esenin. Transformation. Poems <Review>]. *Proletarskaia kul'tura*, no. 6, 1919, pp. 42–43. (In Russ.)
6. Gacheva, A.G. "Literaturnaia gruppa 'Kuznitsa': istoriia, esteticheskaia platforma, khudozhestvennaia praktika" ["The Literary Group 'Kuznitsa': History, Aesthetic Platform, Artistic Practice"]. *Codex manuscriptus*, vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 307–366. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-307-366>. (In Russ.)
7. Gacheva, A.G. "Poety 'Kuznitsy'." ["The Poets of the 'Kuznitsa'"]. *Russkaia literatura 1920–1930-kh godov. Portrety poetov: v 2 t.* [Russian Literature of the 1920s and 1930s. Portraits of Poets: in 2 vols.], vol. 1, ed. by A.G. Gacheva and S.G. Semeno-

va. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 244–390. (Series “Istoriia russkoi literatury XX veka” [“The History of Russian Literature of the 20th Century”]) (In Russ.)

8. Gerasimov, M. *4 poemy* [4 Poems]. Petrograd, Proletkult Publ., 1921. 32 p. (Series “Biblioteka Proletkul'ta” [“Proletkult Library”]) (In Russ.)

9. Gerasimov, M. *Zheleznye tsvety. Stikhi* [Iron Flowers. Poems], cover by G. Ryazhsky. Samara, Tsentropechat' Publ., 1919. 96 p. (In Russ.)

10. Gerasimov, M. *Stikhotvoreniia* [Poems], vol. 1. Moscow, Moskovskoe tovarishchestvo pisatelei Publ., 1933. 226 p. (In Russ.)

11. Grigor'ev, Serg. “Novaia fabrika” [“The New Factory”]. *Gorn*, no. I (VI), 1922, pp. 113–116. (In Russ.)

12. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [Complete Works: in 7 vols. (9 books)], ex. ed. Iu.L. Prokushev, vol. 6, comp. and ed. S.I. Subbotin; texts prep. and textual comm. by E.A. Samodelova and S.I. Subbotin; comm. by A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, S.S. Kuniaev, G. McVay, Iu.A. Parkaev, Iu.L. Prokushev, T.K. Savchenko, M.V. Skorokhodov, S.I. Subbotin, N.I. Shubnikova-Guseva, and N.G. Iusov. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1999. 816 p. (In Russ.)

13. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [Complete Works: in 7 vols. (9 books)], ex. ed. Iu.L. Prokushev, vol. 7, book 1, comp., text prep. and comm. A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, T.K. Savchenko, M.V. Skorokhodov, S.I. Subbotin, and N.G. Iusov. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1999. 560 p. (In Russ.)

14. Kirillov, V.T. *Vechernie ritmy* [Evening Rhythms]. Moscow, Federatsiya Publ., [1928]. 123 p. (In Russ.)

15. Kirillov, V. *Stikhotvoreniia. 1914–1918-i g.* [Poems. 1914–1918]. Peterburg, Proletkult Publ., [1918]. 47 p. (In Russ.)

16. *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t. (7 kn.)* [Chronicle of S.A. Esenin's Life and Work: in 5 vols. (7 Books)], vol. 2, ex. ed. A.N. Zakharov. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 760 p. (In Russ.)

17. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia* [The Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography], vol. 1, part. 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gody [Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 768 p. (In Russ.)

18. L'vov-Rogachevskii, V.L. *Poeziia novoi Rossii: Poety polei i gorodskikh okrain* [Poetry of New Russia: Poets of Fields and Urban Suburbs]. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei Publ., [1919]. 192 p. (In Russ.)

19. Morozova, A.Iu. “A.A. Bogdanov i Proletkult” [“A.A. Bogdanov and Proletkult”]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia*, no. 1 (53), 2020, pp. 37–52. (In Russ.)

20. Moskovskaia, D.S. “Proletarskaia literatura kak proekt” [“Proletarian Literature as a Project”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 2021, pp. 80–93. (In Russ.)

21. *Protokoly Pervoi Vserossiiskoi konferentsii proletarskikh kul'turno-prosvetitel'nykh organizatsii 15–20 sentiabria 1918 g.* [Minutes of the First All-Russian Conference of Proletarian Cultural and Educational Organizations on September 15–20, 1918]. Moscow, Proletarskaia kul'tura Publ., 1918. 126 p. (In Russ.)

22. Rodov, S. “Otvét S. Grigorevu” [“Reply to S. Grigoriev”]. *Gorn*, no. I (VI), 1922, pp. 116–120. (In Russ.)

23. Semenova, S.G. “Ideal sotsializma i teoriia proletarskogo iskusstva A. Bogdanova” [“The Ideal of Socialism and the Theory of Proletarian Art by A. Bogdanov”]. Gacheva, A.G., Kaznina, O.A., and S.G. Semenova. *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920–1930-kh godov* [The Philosophical Context of Russian Literature of the 1920s–1930s]. Moscow, IWL RAS, 2003, pp. 165–180. (In Russ.)

24. *Sergei Esenin v stikhakh i zhizni: Pis'ma. Dokumenty* [Sergey Esenin in Poetry and Life: Letters. Documents], ed. by N.I. Shubnikova-Guseva; comp. S.P. Mitrofanova-Esenina and T.P. Flor-Esenina; comm. S.P. Mitrofanovoi-Eseninnoi, S.I. Subbotina, and T.P. Flor-Eseninnoi; text prep. and index of names S.I. Subbotina. Moscow, Respublika Publ., 1995. 608 p. (In Russ.)

25. Skitalets. “Esenin.” *Russkoe zarubeje o Esenine: vospominaniia, esse, ocherki, retsenzii, stat'i: v 2 t.* [The Russian Abroad about Esenin: Memoirs, Essays, Sketches, Reviews, Articles: in 2 vols.], vol. 1, introd., comp. and comm. by N.I. Shubnikova-Guseva. Moscow, INKON Publ., 1993, pp. 166–170. (In Russ.)

26. “Soveshchanie proletarskikh pisatelei” [“Meeting of Proletarian Writers”]. *Kuznitsa*, no. 2, 1920. pp. 26–29. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026
Одобрена после рецензирования: 20.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 21.02.2026
Approved after reviewing: 20.04.2026
Date of publication: 25.06.2026